

ЭКОЛОГИЯ ДУХА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Были годы, и совсем недавно, когда выдающиеся специалиста в области русской культуры академика Д. С. Лихачева руководящие товарищи не рекомендовали избирать даже в правление Ленинградской писательской организации. Прошли те времена. Теперь Дмитрий Сергеевич — Герой Социалистического Труда, председатель правления Советского фонда культуры. Коллеги по фонду избрали Д. С. Лихачева народным депутатом СССР. Были годы, когда священнослужитель не мог быть избранным даже в райсовет. Теперь иное дело. Митрополит Волоколамский и Юрьевский, председатель издательского отдела Московского Патриархата, профессор, доктор богословия Питирим, член правления Советского фонда культуры, также избран народным депутатом СССР. Еще кандидатами они встретились с активом СФК, общественностью Ленинграда. Встреча стала диалогом единомышленников.

— *А какие главные задачи перед собой ныне ставят академик Д. С. Лихачев и митрополит Питирим?*

Д. С. Лихачев. Я думаю, митрополит Питирим поддержит мою мысль: одна из самых главных задач нашего общества — поднятие нравственной культуры народа. Никакие, даже экономические, законы не смогут действовать в стране, если нравственная культура будет находиться на низком уровне. XXI в. будет веком гуманитарных наук, и, если мы это не осознаем, не сделаем ничего, чтобы подготовиться к этому, мы погибнем. Но для того, чтобы гуманитарные ценности заняли соответствующее место в нашей жизни, надо переос-

мыслить, изменить многие наши законы. У нас есть статьи, защищающие, скажем, памятники культуры, но они практически бездействуют, ибо к ним нет серьезных подзаконных статей, которые бы установили, какое наказание, какое возмездие должно настигнуть тех, кто покушается на культурные ценности.

Питирим. Действительно, культура в развалинах, и поднимать ее будет очень тяжело. Фонд культуры — очень емкое понятие, но для меня прежде всего — это фонд человеческий, неиссякаемый и постоянно пополняющийся. Духовное воспитание человека — основа основ нашей подвижнической деятельности. Ставить перед собой какие-то цели я могу только с учетом условий, в которых мне приходится действовать. На встрече в Ленинграде я получил вот такую весьма язвительную записку: «Что побудило Вас наряду со служением Всевышнему заняться мирской суетой? Вы полагаете, что на новом поприще Вы сможете помочь людям больше, нежели молитвами? И неужели для Вас служение Богу стало менее важным, чем служение людям?» Что ответить этому человеку? Церковь — это, конечно, не кучка представительных иерархов, пользующихся преимуществами жизни, а, если хотите знать, — это народ. Русская православная церковь никогда не была элитарной, замкнутой. От князя Владимира до наших дней русская церковь — это прежде всего народ. Я должен сказать, что Запад ждет возрождения нравственности, духовности именно от России, от Русской православной церкви. России — не только как исключительного модуля русских, нет, той России, которая известна под названием Святая Русь. С Дмитрием Сергеевичем у нас есть общие программы — «Этика и культура», «Религия и культура». Все эти годы мы вели большую совместную работу, цель которой — определить общие для всех людей принципы совместного выживания, совместного существования. Нет, это не отвлеченная теоретическая, моралистическая идея. Апостол Иаков в своем Послании говорит: «Покажи мне веру дел от дел твоих».

— Как вы считаете, Дмитрий Сергеевич, выработан ли надежный государственный и общественный механизм, гарантирующий перемены в нашем государстве?

Д. С. Лихачев. Обычно отвечают: эти гарантии

в нас самих, в каждом из нас. Но меня такой ответ не устраивает. Что-то мы не преуспели таким, скажем, абстрактно-нравственным путем в прошлом. Мало нашего желания. Гарантии перемен должны быть обязательны с точки зрения закона. Жизнь изменяется очень быстро, приносит много нового. Так вот, основные, конструктивные положения перестройки, основные завоевания нашей демократической жизни должны быть зафиксированы в Конституции. Перемены должны быть постоянными и не вызывать у людей страха: перестройка закончится, а что тогда будет со мной? К сожалению, история нашего общества столь драматична, что опасения людей вполне понятны.

Один из самых серьезных врагов нашей перестройки — это «административное вранье», когда во имя ведомственных интересов от общественности скрывается правда, не говорится об истинном положении дел в экономике, науке, культуре. Общество долго мирилось с так называемыми приписками — этими безнравственными по сути своей действиями администрации. Для того чтобы гласность действовала, для того чтобы уровень нравственной культуры поднимался, необходимо просто уничтожить административное вранье, считать его антizаконным, недопустимым явлением в нашем обществе, а людей, повинных в таком деянии, привлекать к серьезной ответственности. Полуправда — она иногда хуже вранья, потому что она похожа на правду. Борьба с административной дезинформацией, парализовавшей наше общество, — это борьба за гласность, борьба за демократизацию страны.

— В связи с этим как вы относитесь к ленинградской дамбе, призванной защищать город от наводнения?

Д. С. Лихачев. Для меня несомненно, что строительство дамбы было ошибкой и даже преступлением. Почему? Оно шло без учета мнения многих специалистов, кто протестовал против проекта, выдвигал свою версию. Проект и строительство пали на годы так называемого застоя, и потому он демократическим путем не обсуждался. За это мы сейчас расплачиваемся и будем еще расплачиваться. Ученые давно бьют тревогу: происходит катастрофическое ухудшение экологической обстановки на Неве, Финском заливе, Балтийском море. Нас долгие годы обманывали: дамба строит-

ся во имя Ленинграда, предохранения его от стихии, но сейчас становится все очевиднее: дамба приносит вред не только тем, что ухудшает экологическую обстановку, но и тем, что на нее тратятся колоссальные денежные и материальные ресурсы. Рассказывают, что когда идет лед, то суда не могут войти в порт. В эти дни, по существу, закрывается «окно» в Европу. Понимаете, кроме экономического ущерба, я все больше задумываюсь над нравственным ущербом. Сейчас никто не знает, что с дамбой делать. Не знаю, право, и я. Есть предложение дамбу разобрать, но не повлечет ли это ухудшение экологической обстановки? Ведь грязь распространится по всему Финскому заливу, засорит Балтийское море. Сейчас работает независимая комиссия Академии наук СССР, будем ждать ее выводов. Аналогичная в чем-то ситуация произошла и с проектом строительства культурного центра зарубежными фирмами на Лисьем Носу. Мы долго не знали, что же предполагают построить. Не будет ли в этом проекте профанации культуры? Ведь при том, что культура в нашей стране падает (а это установлено определенными цифрами), создавать еще один «центр падения культуры» нужно ли? Повторяю, идеи проекта нам не известны, надо, чтобы деятели культуры приняли участие в его создании, а затем он широко бы обсуждался, как, впрочем, нам и обещают.

Гласность состоит не только в свободе слова, не только в праве говорить то, что считаешь нужным для дела, что согласуется с твоей совестью, но и в обязанности администрации своевременно сообщать населению правду о проектах, как, например, дамбы или Лисьего Носа, проектах законов, положений, о состоянии экологической обстановки, об опасностях, которые грозят людям от иных предприятий, вредных для здоровья. И тут никаких государственных тайн быть не должно! Сокрытие аварии на АЭС — это государственное преступление! Сокрытие аварии на химическом заводе — государственное преступление! Неверная информация, полуправда — это тоже преступление! Уроки Чернобыля нам уже это доказали, но они, видимо, далеко не всеми усвоены. Как бороться с полуправдой, с дезинформацией? Люди протestуют — и это правильно, это не только их конституционное право, но и их мораль-

ный, нравственный долг. Мне нравятся уличные демонстрации, но нравятся, в них ощущима идея свободы. Но полагаться только на демонстрации как на систему изучения общественного мнения — это неправильно.

Формы и методы изучения общественного мнения должны быть строго научными, а не случайными. На раннем этапе создания каких-то, допустим, экономических проектов, как дамбы, или культурных — таких, как Лисий Нос, необходимо изучить общественное мнение. Когда же на проекты или на строительство затрачены огромные средства, время, то их создатели волей-неволей вынуждены защищать эти идеи, и делается это испробованными методами — люди, протестующие против этих проектов, обвиняются в экстремизме (особенно наша неравнодушная молодежь) и других социальных «грехах». А на самом деле никаких-то грехов за народом нет, есть грехи административной системы, работающей постаринке, работающей недемократично. Думаю, что надо повсеместно создавать центры по изучению общественного мнения, необходим государственный институт изучения общественного мнения. В правовом и демократичном государстве, в котором действительно заботятся о нравственной культуре, такой институт просто необходим.

Питирим. Дмитрий Сергеевич говорил о многих наших социальных, экономических болезнях, а они отражаются и на душе нашей, у нас общая боль, у нас общие задачи. Взять хотя бы проблему бывших воинов-«афганцев». Сколько молодых людей пришло с этой войны калеками, с духовными ранами! А сколько осталось вдов, детей-сирот, сколько рыдает матерей, потерявших в Афганистане детей своих! Мы сейчас работаем над программой «Долг». В Волоколамском районе на приходской основе решили выделить несколько домов с земельными участками для бывших воинов, вдов. Там можно будет провести отпуск, отдохнуть, покопаться в земле. А в разрушенном фашистами имении будет создан реабилитационный центр для раненых.

— *А не приходится ли вам сталкиваться с непониманием людей, наделенных властью и призванных решать проблемы церкви?*

Питирим. Довольно трудно после долгого периода,

мягко говоря, экскоммуникации говорить об участии в общественной жизни. Но что мы делали все эти годы? Служили в церквях, служили людям, народу. Только об этом не принято было говорить. Сегодня — иное дело. Конечно, мы сталкиваемся и с непониманием, и с нежеланием нам помочь, особенно у чиновников старшего поколения. Молодые смотрят на церковь, ее задачи более широко и демократично. Тем не менее перемены разительны. Только в прошлом году нам удалось открыть 1002 прихода. В недавние годы мы радовались, когда открывалось несколько приходов.

Д. С. Лихачев. В нашей стране долгие годы процветали нетерпимость, предубеждение по отношению к церкви и церковнослужителям. В такой идеологической, психологической атмосфере, безусловно, деформировались декларированные принципы взаимоотношений церкви и государства, допускались серьезные нарушения. Например, церкви, вопреки религиозным убеждениям, вопреки ее принципам гуманности, милосердия, запрещалось заниматься благоустройством больниц, домов для престарелых, уходом за больными и немощными людьми. Сейчас, когда разрабатывается закон о свободе совести, надо продумать его во всех деталях, а главное, гарантировать невмешательство государства в дела церкви и церкви в дела государства. Прежде всего необходимо прекратить оказывать давление на церковь в вопросах назначения настоятелей храмов, священников, митрополитов... Это внутренняя жизнь церкви. Другое дело, когда государству нужно предоставлять церкви помещения храмов, монастырей или разрешать строительство новых. Такое вмешательство я только приветствую.

— *Владыка Питирим, могут ли измениться отношения государства и церкви в связи с возрастанием роли церкви в нашей духовной жизни?*

Питирим. Отделение церкви от государства — явление историческое, это итог развития всей европейской цивилизации. Но вот степень удаления и отдаления — это проблема серьезная, практически важная. Отвечая на такой вопрос, я всегда вспоминаю слова мудрого нашего старца, патриарха Сергия, сказанные им в конце 20-х годов, что церковь отдалена от государства, но не удалена из него. Однако взаимоотноше-

ния церкви и государства нужно моделировать, строить, создавать почти что заново. Здесь важно, каким будет закон о свободе совести. Идет трудный, но, на мой взгляд, плодотворный процесс улучшения взаимоотношений государства и церкви. Но особенно плодотворен процесс взаимоотношений церкви с общественными организациями, занятymi проблемами милосердия, сохранения мира, реставрации культуры, духовного возрождения народа.

— *Что может эффективно содействовать повышению нравственности народа?*

Питирим. Конечно, культура. И здесь мы с Дмитрием Сергеевичем надежные союзники. Огромное внимание мы должны уделить культуре семьи, культуре взаимоотношений полов, проблемам молодежи. Ненадежные семьи, разводы — наша общая боль. Только высокая шкала нравственности может быть измерением будущего человечества. Ведь мы живем, простите, как однодневки. А, по-видимому, все-таки человечеству — и с богословских позиций, и не с богословских — принадлежит вечность. Вот к этой вечности нам всерьез надо относиться, вот эти вечные нравственные ценности нам надо поднимать и охранять. Проблемы нравственности — в самом широком понимании этого слова — являются нашей общей программой — и для церкви, и для Советского фонда культуры, и для Международного фонда за выживание человечества, где мы сотрудничаем вместе с Дмитрием Сергеевичем. По инициативе Дмитрия Сергеевича, академика Велихова и моей открылась и уже успешно работает в Москве Академия мировых цивилизаций, где известные богословы Европы читают курс лекций по истории религий. Изучается вопрос о создании Института духовного наследия. Вместе с правлением Союза писателей РСФСР создан Фонд славянской письменности. Как видите, мы вместе, и не на словах, а на деле, беспокоимся, как поднять человеческий фонд культуры. Все чаще и чаще нас беспокоят проблемы экологии духа человеческого, и поэтому в нашем церковном издательстве мы подготовили семинар «Экология духа». С Дмитрием Сергеевичем мы размышляем о двух важнейших проблемах — экологии Земли и экологии духа человеческого. И вы знаете, их нельзя решать раздельно. Справедливо

говорил академик: от уровня культуры нравственности зависит экологическое состояние планеты. Поэтому в совете директоров Всемирного международного фонда за выживание мира и человечества, который проходил в январе в Москве, мы так много говорили об этом, и было принято решение в январе будущего года провести экологическую конференцию.

— *Сейчас много говорится о приоритете общегуманистических ценностей над классовыми. Какова ваша точка зрения, Дмитрий Сергеевич?*

Д. С. Лихачев. Проблема не новая, она решалась и решается в упорной борьбе против вульгарных догм нашей общественной науки, которая являлась покорной служанкой политиков. Сегодня становится все более очевиден тот факт, что если лозунг все продолжающейся непримиримой классовой борьбы, борьбы стран с различными социально-политическими системами не будет снят, возможна всемирная военная катастрофа. Но и по сути своей, по духовной, а не только политической, этот доктринальный догмат не имеет реальной нравственной силы. Сегодня нам, как никогда, важно сохранить человека и Человечество. Проблема экологии культуры, экологии души человеческой примыкает к проблеме экологии Земли. Так, казалось бы, чисто нравственные проблемы обретают силу стратегических политических проблем.

— *А какие проблемы, Дмитрий Сергеевич, вы отнесли бы к разряду стратегических в культурной жизни страны?*

Д. С. Лихачев. Их так много, но из сонма проблем я бы выделил одну — повышение авторитета работников культуры, народного образования, особенно низовых звеньев. Я бы их назвал почетным званием «чернорабочие культуры». Ну, вы подумайте, как могут нормально жить и работать, обладать несомненным авторитетом люди, занимающиеся благороднейшим делом, если они получают буквально нищенские зарплаты?! Особенно сельские библиотекари, культпросветработники, учителя. Учитель должен быть первым лицом в своем поселке, в своем селе. Первым лицом по своему общественному положению, по своему общественному авторитету. Он должен быть советником не только для своих учеников, но и для их родителей. Он должен — на-

равне с библиотекарем, культпросветработником — возглавить культурное движение на селе. А все они влачат полунищенское существование. Я считаю правомерным, что учитель может получать больше, чем директор школы, если он хороший учитель, актер — больше, чем директор театра, экскурсовод — больше, чем заведующий экскурсионным бюро, специалист по экспозиции — больше, чем заведующий отделом музея или директор музея, если, конечно, они стоящие работники. Где взять деньги на повышение зарплаты? Частично — за счет сокращения не нужных никому руководящих работников в этой сфере.

— Сейчас много говорят о хозрасчете, видя в этом панацею от всех бед в культуре. Пока же, на мой взгляд, хозрасчет активно борется против «человеческого фактора». Дорожают услуги в учреждениях культуры, все больше становится платных кружков, спортивных секций для детей и молодежи. Какова ваша точка зрения на проблему хозрасчета?

Д. С. Лихачев. Хозрасчет в области культуры надо понимать широко и по-разному. Допустим, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, где я работаю, он еще может себя окупить. За ним авторитет. В конце концов — авторитет русской классической литературы. Но как могут библиотеки, небольшие клубы перейти на хозрасчет? Во всех цивилизованных странах на нужды культуры выделяются немалые средства, ибо это сфера духовная. Ждать от всех учреждений культуры немедленной идеологической или духовной отдачи бессмысленно, ибо они работают, так сказать, на долгую перспективу. Хозрасчет же у нас рассчитан на немедленную отдачу.

— На встрече с избирателями и активом Фонда культуры вы получили записку, автор которой, помнится, обвинял вас — и совершенно безосновательно! — в национализме.

Д. С. Лихачев. Мои общественные взгляды общеизвестны. Я против любого национализма, за патриотизм каждого народа. Меня же иногда обвиняют то в национализме, то в антирусских настроениях. Я думаю, что это делают очень невнимательные читатели моих произведений. Я не устаю повторять: национализм прямо противоположен патриотизму. Мы обяза-

ны быть патриотами. Патриотом обязан быть каждый народ по отношению к своему народу, но националистами мы никогда и ни при каких случаях быть не должны. К агрессивным тенденциям, достойным осуждения, я отношу национализм. Агрессивность общественного сознания порой проявляется в чрезвычайно сильной форме — в этом я вижу результаты десятилетий тирании Сталина. Я не такой благодушный человек, как может показаться. Да, я за запрещения. За запрещение грубых форм национализма. Запрет на убийства, кражи, то есть уголовно наказуемые действия, в том числе и порнографию. Правда, порой очень трудно отделить порнографию от непорнографии. Здесь важен принцип цели: во имя чего это делается. Так, мне пришлось для суда выдавать справку, что найденная у подсудимого «Полита» В. Набокова не является порнографическим произведением.

— Я знаю, что есть люди, хлопочущие о принятии Закона о культуре, в котором бы предусматривались запреты на исполнение произведений рок-музыки. Как вы к этому относитесь?

Д. С. Лихачев. Это неправильно. Лично я не смотрю некоторые эстрадные или рок-представления, мне они не по душе. Но запрещать рок — это старые меры. Надо противопоставить рокомании молодежи классическую культуру. Поэтому я так хлопочу об обществе «Классика» — и не только для школьников и студентов, но и для взрослых. Мы в свое время гордились своими знаниями, гордились знанием классики, этого, увы, сейчас нет. С этой точки зрения у меня есть серьезный упрек к руководителям телевидения и радио — классика там звучит редко и в неудобное для слушателей время.

— Сейчас обсуждается проект Уголовного кодекса и возникла полемика в связи со статьей, предусматривающей высшую меру уголовного наказания — смертную казнь. Что вы думаете по этому поводу?

Д. С. Лихачев. Я не могу не быть против смертной казни, ибо я принадлежу к русской культуре. А в русской культуре смертная казнь всегда вызывала протест не только Толстого, Достоевского, Короленко, но и многих других деятелей культуры. Смертная казнь развращает тех, кто ее осуществляет. Вместо одного

убийцы появляется второй, тот, кто приводит приговор в исполнение. И поэтому, как бы ни росла преступность, все же смертную казнь применять не следует. В России XIX в. смертной казни за уголовное преступление вообще не было, была только за политические преступления. Это была единственная страна в Европе, имеющая такой закон. А теперь требуют смертную казнь именно за уголовное преступление. Мы не можем быть за смертную казнь, если считаем себя людьми, принадлежащими русской культуре.

— Владыка Питирим, иной раз из уст людей, принадлежащих к объединению «Память», можно слышать, что они-де и являются в мире подлинными защитниками идей православия. При этом они постоянно подчеркивают: православие — сугубо русская религия, тем самым, как представляется, превращая православие в национальную религиозную sectу.

Питирим. Безусловно, эти люди не правы. Когда в послевоенное время определялся новый статус Московского Патриархата, то мы рассуждали, как понимать титул «Патриарх Московский и всея Руси». Или как был у Патриарха Тихона — «Патриарх Московский и всея России»? И мы тогда, согласуясь с логикой, приняли как принцип, что Русь — это понятие не географическое и не этническое, а культурное. Для этого есть очень много оснований. Русская церковь никогда не была узконациональной группой, sectой или религией. Всегда это было широкое понятие.

— Как известно, лидеры «Памяти» выступают против иудаизма как религии, подчеркивая, что иудаизм — это религия человеконенавистническая. Это звучит как своеобразное религиозное оправдание антисемитизма.

Питирим. На встрече в Ленинграде я ответил так: все это дурной вкус. Никогда русская церковь не грешила этим понятием, которое я и произносить-то не хочу, потому что для нас всегда был обязательен принцип, провозглашенный апостолом Павлом: в церкви нет ни эллина, ни иудея, но всячески и во всем — Христос. Православная церковь — это церковь многонациональная, многоязычная, многоэтничная — и не только по крови, но и по традициям. И ничто не мешает священнику — армянину, греку, сербу, болгарину, еврею, рус-

скому, украинцу... молиться в православной церкви, если они разделяют догматы православной церкви.

— И такой «традиционный» вопрос. Есть в «Памяти» люди, которые считают, что межнациональные браки недопустимы, они вредны, ибо наносят ущерб славянскому генофонду.

Питирим. Право, тут надо генетика пригласить. Но, серьезно говоря, разговоры о чистоте крови несколько расизмом попахивают. А что касается талантливых людей, то они, по-моему, в смешанных браках рождаются ничуть не хуже, нежели в узконациональных.

Д. С. Лихачев. «Память» часто эксплуатирует доверие простых людей, спекулирует на мифах, на узконационалистических идеяках и просто на невежестве. Русская культура и русский народ настолько богаты, что нам не следует опираться на выдумки некоторых представителей «Памяти». Зачем нам какие-то грубые подделки, вроде «Велесовой книги»? Разве культура нуждается в такого рода «дополнениях»? Почему возводят нашу письменность к I в. н. э.? Ведь и то, что мы имеем за первые семь веков ее существования от X до XVII в., — грандиозно!

Как видите, и у людей церкви, и у людей «светской» науки сегодня так много общих дел и общих задач, и, пожалуй, главная — экология духа человеческого.

1989

Диалог вел Виталий Потемкин